

Русские как образец для подражания. Материалы из романа Рутку Тева (Микельсона) «Латыш и его господин» («Latvietis un viņa kungs»)

Борис Инфантьев

II часть. Глава VII. стр. 209 Старый дом на улице Пейтавас, Таинственный хозяин

Уже второй день Юрису удалось поработать — попилить дрова в соседнем от его жилища доме. Дом этот принадлежал крепостному князя Стрелова, русскому купцу Ивану Трофимову, который был отпущен своим господином на заработки и приехав в Ригу, начал торговать и за несколько десятилетий стал великим богачом.

Этот Трофимов не был единственным из русских крепостных, которые разбогатели. И многие русские помещики, особенно мелкие, богатели, отпуская своих крепостных на заработки, за что те платили своим господам оброк. Такие действия были выгодны не только помещику, ибо от свободного труда получал гораздо больше, чем тогда, когда крепостной работал на мызных полях. но еще в том случае, если крепостной пожинал плоды своих трудов. Многие из них через усердие и счастье, особенно в области торговли, обретали большие богатства. Иные выкупались из крепостного состояния, иные, не чувствуя никаких ограничений рабства, жили счастливо и зажиточно, ежегодно посылая своему господину большие суммы за разрешение зарабатывать на свою руку и жить далеко от мызных забот.

Так вот и крестьянин князя Стрелова Иван Трофимов совсем не желал выкупаться. Он своего доброго барина любил и охотно платил ему часть своего дохода. Жил без помех в своем прекрасном доме и зарабатывал как большой купец.

Глава X, стр. 235 Князь Стрелов

Вечером окна старого дома блистали светлыми огнями — здесь князь давал своим друзьям прощальное угощение. Люди Трофимова работали, прибирая и вычищая лучшие комнаты, вытаскивая из запыленных углов мебель, картины и старые ковры, устраивая довольно пристойную столовую и салон. На кухне действовал повар купца и слуга.

Перед сумерками все было в порядке. Зажжены огни, накрыт стол на четыре персоны. Князь весь день собирался в дорогу и работал в своей рабочей комнате. Приятно пораженный, поблагодарил устроителей и пригласил друзей к столу.

Трофимов собрался было своего господина обнять, став за его стулом, но князь любезно притянул его рядом с собой к столу.

— Нет, любезный Иван! Сегодня вечером ты будешь моим гостем!

Юрис с Анныней, сидевшие напротив,

удивлялись богатому столу, который, казалось, для крепостного Ивана не было ничем необычным.

— Какая разница между латышом и русским! — думал Юрис. — Когда латышский крестьянин не знает лучшего счастья, как наесться вдоволь черствого хлеба из половы, раб русского барина живет в шикарном доме, со своими слугами, поваром и лакомится дорогими яствами!

Но Юрис понимал, что благополучие Трофимова было все же исключением.

Князь, кажется, отгадал мысли Юриса и сказал:

— Скажи мне, Иван, которое из всех этих блюд твое самое любимое?

Иван обвел глазами богатый стол, затем сказал просто:

— Сударь, здесь нет моего самого любимого кушанья. Я лучше всего ем капусту со свиной головой! Крестьянин держится своего!

— Так почему ты сегодня ставишь на стол эти яства?

— Так оно должно быть, сударь. Это — господская еда. Вы должны снова привыкать к изысканным столам, вы теперь будете жить между вельможами, может при дворе... Вы опять должны понемножку привыкать, ибо слишком долго жили в самом большом отчуждении, поддерживая свою жизнь чаем и хлебом. Ай, ай! Сколько раз я просил вас питаться так, как это вашему сословию положено, но вы отказывались от всякого благополучия. Сколько слез я пролил за своего хорошего барина. Но такова была ваша непреклонная воля. А теперь опять хорошо, Бог вам помог выдержать трудное испытание.

— Ты прав, Иван: в одиночестве я мог жить, как сам хотел; теперь я должен буду привыкать к обществу. Я благодарен тебе, что ты обо мне думал не только в мои тяжелые годы, но думаешь о моем будущем. Скажи мне теперь, Иван, как ты думаешь о своем будущем? Ты действительно не хотел выкупиться?

— Нет, милостивый барин, об этом я не думаю. Вашему крепостному Ивану Трофимову на вашей службе приходится так хорошо, что не может статься ни одному свободному человеку. Позвольте до моей смерти быть вашим и вашей семье послушным слугою и рабом.

— Ну, хорошо, твоя воля. Да, мы срослись. Но мы старые люди, Иван. У нового поколения иные стремления. Оно хочет жить своей жизнью. Уж однажды придет время —

твои дети, Иван, больше не захотят быть крепостными.

— Боже, сохрани от этого! — воскликнул Трофимов.

— Нет, нет, друг. Ты не бери пример со «свободных» — латышей. Здесь обстоятельства иные. Освобождение крестьян балтийских помещиков — дьявольское изобретение, чтобы их еще больше вогнать в рабство. В России этот прием не сможет повториться. Когда там освободят крестьян — и это, может быть, произойдет скоро, — им будет обеспечено в большей или меньшей степени пропитание. Ну, не будем больше говорить об этом. Такие разговоры печалят наших друзей, — закончил князь, улыбнувшись Юрису и Анныне.

— Да, дети, судьба вашего народа печальна, — снова продолжал князь, — много зла и страданий вам еще доставят ваши бароны. Они, как осенние мухи, которые, чувствуя конец своего благополучия, еще свирепее кусают. Но не печальтесь. Вы выйдете из борьбы как победители. Вот вы, Георг, — вы один из первых, кто что-то начинает делать на благо народа. Еще вы стоите как бы отдельно, — как передовой отряд исторической борьбы, не ведая, кто за вами. Но придет пора, когда вырастут большие полки борцов, когда весь народ поймет, куда ведет его путь.

Вы еще молоды, в вас дух борьбы... Я уже устал. Но и я однажды мечтал о великих делах. Это было лет двадцать пять тому назад. Вы что-либо слышали о декабристах?

— Да, я знаю их историю, — сказал Юрис и глаза его заблестели.

— Ну, вот, — продолжал князь, — я был одним из первых зачинателей этого движения. Уже в 1815 году я со своими друзьями-генералами Орловым, Воронцовым, Васильчиковым и другими подали государю прошение отменить крепостное право. Когда государь это не принял во внимание и не пожелал нас выслушать, мы сплотились еще теснее и основали тайный союз. Мы объединились с другими тайными организациями, цель которых была такая же, как и у нас. Позднее они разрослись еще шире, и пришли к восстанию 14 декабря 1825 года. Это был непродуманный и неоправданный шаг. Я предупреждал их и ушел из объединения. Цели Пестеля и Рылеева были мечтой далекого будущего, и их нельзя было осуществить в жизни. Необдуманный шаг принес обладателям горькие разочарования и смерть. Я тоже оказался обвиненным и вы-

нужден был бежать. Поселился здесь, в старом доме, когда-то выигранном в карты и давно забытом, где мой верный Трофимов заботился обо мне. Жил я здесь тайно под именем своего умершего слуги, отказался от жизни и ее благ и ожидал, не удастся ли когда-нибудь государя убедить в моей невиновности среди заговорщиков-декабристов. Тщетно многократно пробовали чего-либо добиться мои друзья. Государь знал меня как вольнодумца, и этого было достаточно. И вот, наконец, когда жизнь достаточно продвинулась, я был помилован и могу явиться к своему народу. Для него хочу жить, сколько мне еще будет суждено. Духовное развитие народа — это мой путь. И вот вы, молодой человек, в таком же духе трудитесь на благо своего народа.

Князь умолк. Его рассказ оставил большее впечатление на нас. Некоторое время все ели. Затем князь повернул разговор на другие темы, поинтересовавшись отношениями помещиков и крестьян, положением крестьян, голодом и разорением, дал совет в самый трудный момент обратиться к рижскому православному епископу, который не допустит народу вконец разориться, а сообщит в Петербург о жестокосердии немцев.

После ужина князь продолжал разговоры в салоне, выкуривая одну трубку за другой. Это было его единственное лакомство, от которого он не отказался и в эти годы ссылки.

Затем князь пригласил своих гостей в рабочую комнату. Здесь он дал Юрису подписать уже изготовленный договор о том, что тот обязуется ведать его домом за бесплатную квартиру и сто рублей в год, которые будет выплачивать Трофимов.

— Этому дому нет цены, — сказал он, — но я хочу расстаться с ним. В нем я провел свои трудные дни так много лет. Может быть, я когда-нибудь еще сюда приеду

Затем он обратился к Трофимову.

— И тебе, мой любезный Иван, я доверяю старую Мавру. Прими ты ее, когда она оставит больницу, и ухаживай за ней в ее старости.

Еще мгновение поговорив о практических делах, напомнив Трофимову вовремя прислать почтовых лошадей, князь пожелал всем доброй ночи и пожал руки, прощаясь.

— Будьте здоровы, мои милые друзья. Я прощаюсь с вами теперь. Завтра рано не вставайте меня провожать. Я уеду втихомолку.

Глава XI Епископ Иринарх

— Как тут попасть к дому епископа? Те, к кому на улицах Риги обращались с таким вопросом, боязливо осматривались и потом отвечали:

— Держитесь только правой стороны, вдоль вала. Потом увидите Рижский замок. Только на площади не показывайтесь. Там всегда каратели. Сверните по узкой улочке в сторону церкви Якова, за ней увидите русскую церквушку. Рядом с ней дом русского епископа.

Высокое духовное лицо ласково принял крестьян. Они, упав на колени, целовали его протянутую руку. Потом один священник, переводчик епископа, спросил на довольно правильном латышском языке, что желают крестьяне.

— Мы совсем пропадем, — начал Вилюм, — и просим высокого господина церкви защитить нас от жестокосердия помещиков.

— Подожди, подожди! — священник прервал говорящего, — высокоуважаемому епископу строго запрещено выслушивать любую жалобу, которая не относится к делам веры. Сюда многие приходят, просят, чтобы их приняли в православие, я думаю, что и вы...

— Мы просим милости у великого господина церкви.

Теперь епископ что-то на русском языке спросил у священника. Тот повернулся отвечать. Тем временем Митру Рейнис тихо шепнул Вилюму:

— Говори, что хотим принять его веру. Тогда увидим.

Священник опять повернулся к крестьянам.

— Если вы хотите жаловаться на своих мызных господ, то высокоуважаемый епископ не смеет вас слушать. Его так же, как и вас, унетают местные власти.

— Мы хотим принять царскую веру, — пробормотал Вилюм.

Переводчик это сказал епископу. Тот опять стал благосклонным и велел записать имена всех.

— Но учтите, — сказал священник, записывая, — что с переходом в православную веру не связаны никакие мирские выгоды.

— Как так? — Митру Рейнис возразил. — Если будем одной веры, разве царь нас не защитит?

Переводчик и эти слова передал епископу. Епископ ответил, и священник повторил его ответ по-латышски.

— Да так-то оно так. Но сразу вам помочь нельзя. Когда столько крестьян перейдет в православие, что можно будет основать латышский приход, то для него построят дом и дадут своего священника. Он не будет стоять на стороне помещика, а будет со своим приходом и сможет вас защищать.

Крестьяне неудовлетворенно переглянулись. Больше здесь делать было нечего. Они пошли к дверям.

Тем временем вошли и другие просители. На улице послышался шум. Через окно священник увидел карателей, хватавших крестьян. Там была целая толпа полицейских. Их офицер что-то скомандовал.

Священник быстро отошел от окна и задвинул дверную задвижку.

— Сидите спокойно, — взволнованно шепнул он крестьянам, — полиция окружила дом. Но мы вас не выдадим.

Затем он вошел к епископу и, через мгновение вернувшись, сказал:

— Епископ велел вас спрятать, пока полиция не уйдет. Идите со мной в погреб.

Крестьяне с благодарностью следовали. Воздух погреба был спертый и сырой, но все же лучше здесь находиться, чем стоять у позорного столба на замковой площади.

Через некоторое время священник принес порядочный каравай хлеба и ведро хорошей каши. И только теперь бибренцы опомнились, что уже со вчерашнего дня ничего не ели.

Три дня крестьяне здесь ютились. Люди епископа, приходя и уходя, наблюдали за улицей. Только вечером третьего дня стражники и шпики исчезли — наверное, отозваны в какое-то другое место хватать опасных голодающих.

Глава XV

«Бесчеловечная расправа»

Стр. 262.

Илза шла сквозь солдатский строй. Шатаясь, она медленно делала шаг за шагом, затем, подняв глаза, улыбнулась.

— Чудо! — думала она, — совсем не больно, только холодно.

Но не было причины для боли. Ни одна плетка в руках солдат не поднялась.

— Проклятые собачьи дети! — кричал фон Нумерсен.

Глава XX

Давис Балодис поступает разумно

Стр. 285.

Давис Балодис:

— Надо мной никакого начальства, кроме того, я проповедую на латышском языке, которого мое начальство не знает. Единственный, кто знает наш язык — священники Михайлов и Емельянов. Они прослушали несколько раз мои проповеди, и в большой степени удовлетворены, превознесли меня до небес у епископа.